

Материалы научной конференции

**ТЕОРИЯ
И ПРАКТИКА
СОВРЕМЕННОЙ
НАУКИ**



Николенко А.А. ©

Аспирант, Институт права и управления
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Государственная власть - это возможность и способность специализированных органов государства осуществлять руководство, управление жизнедеятельностью общества, быть арбитром в нем, обладать верховенством, суверенитетом и от имени общества применять принуждение. Она носит институционализированный характер, и ее функционирование определяется противоречивым единством деятельности институтов федерального центра, органов государственной власти субъектов Федерации и негосударственной власти местного самоуправления. За последние десятилетия в России и за рубежом вышло немало работ, посвященных политической системе России [1,78].

Когда в 90-е годы XX в. государство было слабым, внутри Российской Федерации получили развитие процессы децентрализации, объектом научного интереса стали горизонтальные отношения, процессы общественного саморазвития, большое внимание уделялось региональной проблематике. С момента разрушения жесткой вертикали государственной власти в России начался процесс функционального передела власти. При этом не были четко определены полномочия государственной власти любого уровня. Региональная суверенизация, в особенности это касается национальных республик, основанная на местных законах, порой противоречащих Конституции 1993 г., другим нормативно-правовым актам, привела к асимметричности субъектов государственной власти в России, что повлекло за собой ее кризис.

Кризис государственной власти 1990-х гг. стал перманентным, затяжным. В функциональном плане он выражается в том, что, с одной стороны, федеральные органы государственной власти вмешиваются в сферу компетенции нижестоящих органов власти субъектов Федерации, а с другой - региональные исполнительные власти вмешиваются в деятельность территориальных органов фе-

© Николенко А.А., 2013 г.

деральной власти, в дела местного самоуправления. При слабости единой вертикали государственной власти отдельные институты занимаются не стратегическими функциями властвования, а решением повседневных проблем.

В процессе изучения работ, посвященных российскому политическому режиму, исследователь сталкивается с рядом сложностей и, прежде всего методологической неопределенностью: одни авторы дают политическому режиму свободные, определения, в то время как другие пытаются оценить явление с помощью принятых теоретических конструктов. Отсутствие единой рамки анализа усложняет исследовательскую задачу, затрудняет сопоставление разных вариантов прочтения политической реальности. Тем не менее, современное российское общество нуждается в трезвой оценке сложившейся в России политической системы. Политический режим в соответствии со ставшим классическим определением Д. Хигли и Д. Бартона: - это образец, в рамках которого принимающая решения правящая власть организуется, осуществляется и передается [2,15].

В связи с этим возникает вопрос, по каким критериям представители исследовательского сообщества оценивают российский политический режим и каким видят его будущее? Оценки российского политического режима варьируются в широком диапазоне. Ключом к пониманию глубинных изменений социальной структуры российского общества, его трансформации с начала 90-х годов должно стать осмысление процессов, приватизации государственной собственности, возникновение института частной собственности и их социальные последствия, повлекшие изменения социального состава населения бывшего СССР. В случае российского варианта приватизации никто не просчитывал возможные негативные или позитивные социальные последствия этого процесса. В итоге общество сотрясали и сотрясают негативные социальные последствия проведенной монополизации государственной собственности.

Чаще всего в исследованиях модернизационного процесса в России «демократизм» сравнивается с «авторитаризмом» в работах либо представителей политической оппозиции, либо аналитиков, которые критикуют существующий политический порядок. Сторонники идеи нормализации утверждают: Россия - это европейская страна, только менее развитая, как многие страны восточной Европы, а ее будущее связано с преодолением отсталости и дальнейшей европеизацией.

Для одних исследователей в 2000-е годы «хаос» переходной эпохи завершился, и наступил новый этап в развитии современной России. Президент Б. Ельцин, - полагает Э. Каррер д'Анкосс, - «создал в стране великий беспорядок, тем самым, расчистив место для дальнейшего строительства. Когда Путин пришел к власти, перед ним стояла задача построить новое государство. Думаю, именно в этом качестве он хотел бы войти в историю» [5,344]. Некоторые авторы сравнивают Путина с Александром II, называя его «реформатором поневоле» [6,347]. И даже такой исследователь, как З. Бжезинский, признается, что после анархии ельцинского периода альтернативы курсу на укрепление основ государственности, предложенному Путиным, не существовало.

Также есть точка зрения, которая не обосновывает историческую преемственность между правлением Ельцина и Путина. Ее сторонники убеждены, что принципиальных существенных различий между двумя периодами современной российской истории не существует. П. Панов ссылается на невозможность описывать совершившуюся в России радикальную социальную трансформацию с помощью западного понятийного инструментария. Как следствие, не имеет смысла противопоставлять президентство Ельцина как «демократический период» президентству Путина, определяя его как «откат от демократии» [7,51]. Идея, что в «путинской России» получили развитие тенденции 90-х годов, имеет продолжение в других исследованиях [8,20-38].

Ученые другого направления пытаются интерпретировать постсоветский период через российскую историческую традицию. Для одной группы авторов российская история является подтверждением тезиса о нормальности современной России, для второй - аргументом в пользу ее прогрессирующей деградации или возвращения к традиционализму. Сторонники идеи нормализации утверждают: Россия - это европейская страна, только менее развитая, как многие страны восточной Европы, а ее будущее связано с преодолением отсталости и дальнейшей европеизацией.

Аргументируя свою позицию, сторонники идеи нормализации, ссылаются на улучшение материальных условий жизни россиян; позитивные итоги экономического развития страны за последнее десятилетие, раскрепощение рынка; повышение управляемости; наличие в современной России свобод, которыми никогда прежде российское население не пользовалось [9, 231]. Э. Каррер д'Анкосс утверждает, что, за прошедшие после распада СССР годы Россия стала частью цивилизованного европейского мира, хотя многие преобразования остаются

незавершенными. Другой французский историк и экономист Ж. Соколофа, а также американский историк М. Малиа придерживаются такой же точки зрения [10, 232].

В самой России позитивный взгляд на современную жизнь встречается главным образом среди представителей власти и близких к ней исследователей. Бывший президент РФ Д. Медведев явно удовлетворен развитием России: «Мы с вами живем в свободной и современной стране. И мы уже многое сумели сделать. У нас есть позитивный опыт создания демократического государства. Есть не просто успехи, есть настоящие победы, и мы вместе идем вперед...» [11]. Однако среди не ангажированных экспертов оптимистические оценки встречаются редко. Исключением является позиция В. Тишкова, выступающего против так называемой «парадигмы кризиса» [12, 368-374]. Но далеко не все из приводимых аргументов принимаются научным сообществом. Сторонники идеи деградации России фокусируют внимание на негативных тенденциях развития страны: всевластии государства, бюрократии, коррупции, нарушении демократии, ограничении свободы СМИ, неконкурентных выборах. Такие рассуждения приводят этих исследователей к мысли о том, что граждане России не готовы к демократии, а Россия обречена на деградацию и возвращение в прошлое. Пайпс не видит глубинных изменений, российская история и традиция для него полны аргументами в пользу того, что страна не способна к позитивной общественно-политической динамике. Медленно и целенаправленно, - пишет он, - Путин превращает страну в однопартийное государство, а большинство русских одобряют это» [13, 15]. В этой связи западные авторы пишут о возрождении «советской империи» и «империи царей» [14, 28-35]. Многие российские ученые обращаются к особенностям «русской власти» (этот термин используют С. Перегудов, Л. Шевцова, О. Гаман-Голутвина). По мнению, О. Гаман-Голутвиной: «С приходом к власти В. Путина политическая власть в России закрепила за собой монополию на принятие политических решений, что было характерно для российской, а позже советской истории. Основными чертами «исторической России» явились концентрация политической власти в едином центре, приоритет политических элит над экономическими и союз верховной власти с народом, исходя из этого, политику Путина можно оценить, как «традиционалистскую», поскольку она была направлена на централизацию власти и ее концентрацию в руках президента» [15, 347]. Историческая аргументация так же часто используется в реальной политике. Б. Ельцин порвал с советским прошлым,

В. Путин попытался восстановить связь между различными периодами российской истории или, пользуясь выражением Ю. Пивоварова, «примирить» три России - царскую, советскую и постсоветскую [16, 19]. В исторических связях нынешний режим черпает свою легитимность, власть выстраивает образ «великой державы». История здесь «накладывается» на современность и затем линейно проецируется в будущее. Широко практикуется выборочное обращение к историческим фактам и эпизодам истории. Инструментальное использование истории дает возможность аргументировать любую точку зрения. Поэтому стало модно рассуждать о том, что в современной России осталось от номенклатурного прошлого [17]. Вследствие использования исторических аналогий складывается разрыв: образ России не соответствует реальности, поскольку спроецирован на прошлое, настоящее. Важно не только выявлять, что сближает нынешнюю политическую систему с историческими моделями политического управления, но определять особенности современного периода [18, 91-108]. Если мы действительно хотим понять, что происходит сегодня с Россией, следует не напрямую обращаться за ответом к истории, а стремиться проводить исследования «здесь» и «сейчас». Для режимов, которые не являются ни демократическими, ни авторитарными, западными политологами был предложен ряд определений: «дефектная демократия» (В. Меркель), «гибридный режим» (Т.Л. Карл), [19] «делегативная демократия» (Г. О'Доннелл). Их аналогом в российской науке выступает понятие «имитационная демократия» (Г. Сатаров, И. Клямкин, Л. Шевцова и др.), а во французской - «демократура» [20, 70]. Все они, означают одно - политический режим, в рамках которого существуют формальные демократические институты в виде представительных органов, политических партий и выборов, но в реальности политические решения принимаются в процессе неформальных согласований и договоренностей.

Принимая Россию как часть европейского пространства, Каррер д' Анкосс считает неуместность ее сравнения с европейскими странами. Мнение историка сводится к тому, что Россию следует измерять ее собственной историей [21, 1-9]. На рубеже 1990-2000-х годов сравнительный метод продемонстрировал свои ограничения. Сегодня он используется в политической науке для сравнения России с рядом стран Востока и, в частности, Китаем [22, 33-36]. Как считает британский политолог Р. Саква при Путине возрождение государства «разрывалось» между двумя типами государственности: восстановлением конституционного строя, и восста-

новлением централизации, в результате которой в России устанавливался моноцентризм. Это противоречие, считает ученый, сохраняется, по сей день, поскольку «ни один из этих подходов не смог победить окончательно» [23,14]. Российский политолог С. Перегудов пишет: «В современной России, существуют два типа отношений, две подсистемы: государственно-бюрократическая и свободно-рыночная. Первая организована во «властную вертикаль», вторая представлена частным бизнесом и гражданским обществом и образует «властную горизонталь». Между вертикалью и горизонталью идет непрерывная борьба, но до сих пор, несмотря на одержанные победы, «вертикаль власти» не смогла полностью подмять под себя частный бизнес и гражданское общество» [24,91-108]. К концу первого президентского срока Путина в России, считают другие исследователи, был выстроен моноцентричный режим, в его рамках институт президентства стал основным центром власти, а альтернативные центры власти - парламент, суды, средства массовой информации утратили независимость.

Моноцентризм - удобная формулировка, позволяющая раскрыть принципы функционирования власти. Но понятие «моноцентризм» не вмещает в себя многообразия политических связей и взаимозависимостей. За моноцентризмом может скрываться любая политическая реальность: личная диктатура, президентский режим и др. Следовательно, моноцентризм - это понятие, требующее уточнений. [25,58]. А. Илларионов, в прошлом советник президента по экономическим вопросам, а ныне представитель оппозиции, определяет современное состояние российского государства как «деинституционализацию», в ходе которой институты государства ослабевают, а власть все больше концентрируется в руках узкого круга лиц [26,57-67]. Слабость институтов власти становится центральной проблемой политической системы, поскольку единственный институт, который пользуется поддержкой в обществе - это институт президентства, а в случае тандема «сдвоенная в сознании граждан фигура президента и премьера» [27,57-68]. В. Иноземцев пишет о «государстве-фантоме». Основными чертами современного российского государства являются безответственность перед обществом, преследование собственных целей и накапливание полномочий. Вывод категоричен: российское государство - «это сложная социальная структура, порождающая квазикастовую систему, архаичную и неэффективную». «По сути «государство» в нашей стране, - отмечает В. Иноземцев, - это своеобразный синоним правящего класса и тех механизмов, которые создаются этим классом для за-

крепления своего господства над обществом» [28,30-32]. Политолог Р. Саква особенностью путинского правления считает параконституционализм - систему, где существует разрыв между формально признанными конституционными нормами и их нарушением на практике. В этой системе действуют институты, статус которых не прописан в Конституции, но которые в реальности замещают собой конституционные органы (институт полпредов, Общественная палата, Госсовет) [29,10-15].

Особый интерес вызывают оценки экономистов, представляющих институциональную школу. Я. Паппэ рассуждает о судьбе институтов, которые создавались в годы правления Путина, например государственные корпорации и особые экономические зоны. Формирование институтов развития ученый объясняет реализацией доктрины, ориентированной на модернизацию при поддержке государства [30, 24-49]. А. Аузан, президент Института национального проекта «Общественный договор», признавая факт сужения парламентской демократии, говорит о сохранении демократических институтов в современной России таких как, муниципальная демократия, акционерная демократия, кооперативная демократия. По его мнению, они являются «точками роста», которые следует поощрять. [31,264]. В кругу близких к Кремлю аналитиков напротив распространено убеждение, что за прошедшие годы российские институты власти окрепли, а централизация - успех, одержанный в борьбе с «сепаратистской угрозой» и терроризмом. Именно эти аргументы были выдвинуты в тот момент, когда принималось решение об отмене губернаторских выборов. [31,78-90] Исследование формальных институтов лишь отчасти раскрывает особенности политического режима. В последние годы в политической науке широкое распространение получила неоинституциональная теория, изучающая правила игры и реальные практики, распространенные в том или ином обществе [32,112-142]. На основе анализа отношений между обществом и государством в России М. Афанасьев сформулировал концепцию патрон-клиентских отношений, её основной идеей является то, что российское государство предстает в роли патрона, а население является его коллективным клиентом: патрон одаривает и защищает своих клиентов в обмен на лояльность и поддержку [33,43]. Основываясь на связях личной зависимости, они носят неформальный характер. Афанасьев приходит к выводу, что патрон-клиентские отношения между государством и обществом воспроизводятся на протяжении всей истории России. Демократия в России носит формальный, «фасадный» характер, а в

реальности между субъектами устанавливаются отношения теневого торга [33,44]. Некоторые исследователи, приходят к выводу что, слабость формальных институциональных правил компенсируется в российском обществе наличием неформальных сетей [34,334].

С. Перегудов говорит о том, что политическая власть в 2000-е годы закрепила монополию на принятие политических решений и установила контроль над крупным бизнесом. В результате сформировался режим государственного корпоративизма [36,91-108]. Аналитики приводят так же такие определения как: корпоративная модель управления (А. Илларионов), олигархически-клановый режим (В. Гуторов) [37].

О. Крыштановская, в научный оборот вводит новое понятие «милитократии» Под ним понимается массовое продвижение на высшие государственные посты представителей силовых структур, с помощью которых власти удалось установить контроль над гражданским обществом, выборами, бизнесом и независимой прессой. Силвики вносят свой стиль в политику: им свойственно жесткое наведение порядка, что положительно влияет в условиях кризиса системы, но в свою очередь, такие «кризисные менеджеры» не в состоянии решать стратегические вопросы [39,246,14-53]. В результате как считает А. Илларионов, в стране установилась силовая модель государства, когда представители оппозиции вытесняются из публичного пространства, а независимые журналисты физически устраняются [40,75]. В связи с этим можно провести аналогию с концепцией «лишних людей» Ю.Пивоварова.

Подобные оценки распространены в работах западных ученых. «Никогда прежде власть спецслужб в России не была столь велика», - пишет французская исследовательница и журналист М. Жего. В настоящее время эти люди заседают в парламенте, принимают законы, вершат суд, контролируют политику и стратегические отрасли экономики [41,28-35]. «Люди в погонах», как пишут западные аналитики, сыграли ведущую роль в развязывании войны в Чечне, «деле ЮКОСа», с их подачи ведется поиск внутренних и внешних врагов, в стране развивается «шпиономания» [43,35-48]. С этим мнением не согласна Э. Каррер д'Анкосс. По её мнению приход представителей ФСБ к власти связан со стремлением В. Путина опираться на собственные внутренние силы [44].

Мнения российских ученых также расходятся. Политолог К. Холодковский убежден, что президент - это независимый арбитр, регулирующий отношения между элитными группами. Для Г. Павлов-

ского президент, прежде всего, лидер элиты, выступающий модератором независимых структур, современное российское государство он определяет, как «модель лидерского государства» [45,30-34]. О зависимости президента от государственной бюрократии пишет А. Зудин [44]. Зачастую точка зрения аналитиков совпадает с оценками россиян. Применительно ко времени правления В. Путина опросы общественного мнения свидетельствовали: только 18.1% россиян считали, что президент самостоятельно принимает решения; а полагали, что он защищает интересы силовиков (26.8%), бюрократии (21.6%) [43,35-48].

Власть, также, как и эксперты, осознает, что ведущим актором политических преобразований в России является элита, и ее консолидация - залог сохранения страны. [44,14-15]. Так, Д. Медведев, еще, будучи главой Администрации президента, отметил: «Если мы не сумеем консолидировать элиты, Россия может исчезнуть как единое государство. С географических карт были смыты целые империи, когда их элиты лишились объединяющей идеи и вступили в смертельную схватку. Консолидация российской элиты возможна только на одной платформе - для сохранения эффективной государственности в пределах существующих границ.

Ничего другого объединяющего в ближайшей исторической перспективе для России не предполагается» [48]. Заместитель комитета по делам федерации ГД РФ И. Яровая так оценивает российскую элиту «Сегодня власть, высшие должностные лица страны... являются представителями нации. Это лица, которые демонстрируют безусловное уважение к народу своей страны, к национальным традициям и национальной идентичности. Они обозначают интересы нашего государства как национальные» [44,11-20]

Это значит, что без подключения общества модернистский проект не может быть реализован в принципе. Согласно статистическим данным получается: что через 20 лет попыток либеральных реформ власть вернулась к привычным мерам. И.М. Клямкин делает вывод, что российское общество переросло «Русскую систему» еще при коммунистическом режиме, это стало главной причиной его падения и смены традиционных способов легитимации власти. Все условия для осуществления либерального сценария существуют и благоприятны как никогда, но проблема состоит в том, что до сих пор обществу не предложено такого проекта.

В то время как, складывающаяся в России институциональная система не гарантирует создание стабильно действующих демократических политических институтов, так как без мас-

совой поддержки они не только не демократичны, но и не жизнеспособны. Поэтому выстраиваемая «властная вертикаль» должна дополняться «общественной горизонталью» - взаимодействием общественных и политических организаций, представляющих интересы различных слоев и групп. Такое сочетание вертикальных и горизонтальных связей, сопровождаемое социальной ответственностью чиновников и представителей бизнеса, которые, по выражению В.В.Путина, «обязаны помнить, что источником благополучия и процветания России является народ, может стать основой для успешного развития политической модернизации.

Литература

1. Шестопад.Е.Б. Образы российской власти: От Ельцина до Путина / Е.Б.Шестопад.-М.: - 2008-416с.
2. Дж. Хигли, Элитарные основы либеральной демократии:пер.с англ./ Дж.Хигли,М.Бартон Л.:2006-267с.
3. Немцов Б. /Б.Немцов. Режим доступа:www. politcom.ru/article/php?id=3812
4. Каррер д'Анкосс Э. Чтобы быть влиятельной в мире, России нужно быть внутренне сильной (интервью) / Два президентских срока В.В. Путина: динамика перемен. Отв. ред. и сост. Н. Лапина. М. - 2008-510 с.
5. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции / О.В.Гаман-Голутвина - М. - 2006-448с.
6. Панов П.А. Институциональные политические практики в России 1990-х и 2000-х годов : Два президентских срока В.В. Путина / П.А.Панов.-М.: Политекс-2006-210с.
7. Фурман Д. «Поворот-2008» / Д.Фурман // Независимая газета.-2008-14 января.с10
8. Перегудов С. Конвергенция по-русски: "золотая середина" или остановка на полпути / С.Перегудов // Полис.-2008-№ 3-78с.
9. Каррер д'Анкосс.Э Незавершенная Россия:пер.с фр./Э. Каррер Анкосс-П-2003 год- 640с
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 г. [Электронный ресурс.] Режим доступа:www.kremlin.ru/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtm.
11. Тишков В.А. Этнология и политика / В.А.Тишков - М.: 2005-543с.
12. Пайпс Р. Справа от свободы: Что русские думают и хотят:пер. с англ. / Р.Пайпс // доклад-2004 . N 3- 95с.
13. М. Жего. Мужество президента / Жего.М // Международная политика-2007 - N 115,239с.

14. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции / О.В.Гаман-Голутвина.-М.: -2006- 448 с.
15. Ю.С.Пивоваров Должность царя у нас стала выборной) / Пивоваров.Ю.С // Профиль- 2008- N 32,- 97с.
16. Крыштановская О. В «России складывается пирамида советского типа» / О.В.Крыштановская // Независимая газета.-2004-28 апреля.-С.56.
17. Перегудов С. П. конвергенция по-русски: «золотая середина» или остановка на полпути / С.П.Перегудов // Полис- 2008- № 1. 58-115с.
18. Карл Т. Л Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы / Т.Л.карл, Ф.Шмшптер // Полис- 2004-N 4-90с.
19. Кола. Д. Введение в посткоммунистическую Европу: пер с фр./ Д.Кола-П- 1999- 340с.
20. Каррер д'Анкосс Э. Два президентских срока В.В. Путина / Э.Каррер д'Анкосс.-М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010-34
21. Гордон А. Россия и Китай: сравнительная оценка преобразований западными политологами: 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки. Тезисы докладов XVII 21 Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы" (22-24 октября 2008 г.)-Москва-244с.
22. Саква Р. Путин и власть противоречий / Р.Саква М.: 2008-447с.
23. Перегудов С. П. конвергенция по-русски: «золотая середина» или остановка на полпути / С.П.Перегудов // Полис- 2008.-№ 1-108с.
24. Илларионов А. Почему Россия теперь другая страна? / А.Илларионов // Коммерсантъ. 2006-23 января-60с.
25. Бунин И., Новая реальность: основные направления развития политической ситуации в России / Бунин.И. Зудин А., Макаренко Б.-М.: 2006-80с.
26. Папэ, Я. Ш. Рамки, развилки и ключевые проблемы развития российской экономики на среднесрочную перспективу: институциональный аспект. Качество управления как ключевой фактор модернизации России сборник статей Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ) Ярославль, 2011.-280с.
27. Аузан А. Демократия вертикали. Сб. статей / А.Аузан // М.: 2006- 479с.
28. Гонтмахер. Е. Общественные объединения нового типа в России / Е.Гонтмахер, Е. Шаталова // Общество и экономика, 2008.-N 3-4-120с.
29. Сапир. Ж. Россия после Путина: экономика и социальные основы политической стабильности / Ж.Сапир.-М.: Норма-167с.
30. Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность / М.афанасьев 2-е изд. М.: 2000-320с.
31. Мельвиль А. Демократический транзит в России - сущностная неопределенность процесса и его результата / А.Мельвиль // Космополис. Альманах, 1997-546с.